

— Вообще я очень не люблю давать интервью. Художник должен быть интересен своим творчеством, и ничем другим. Обычно я стараюсь избегать всего этого тусовочного мелькания.

— Не так давно вы вернулись из Парижа. Вы часто там бываете. Чем объясняется ваше стремление работать во Франции?

— Три года назад мы с Анастасией Вертинской организовали в Париже театральную чеховскую школу. В результате отбора актеров, среди которых есть и звезды — Валери Древилль, Орельян Лакура, — мы пришли к идее, что эта школа может родить настоящий чеховский спектакль. Спектакль довольно необычный и называется «Чехов. Акт 3». Это третьи акты из трех пьес Чехова — «Дяди Ваня», «Трех сестер» и «Вишневого сада». Самые кульминационные, самые напряженные, взрывные акты чеховских пьес. Но это не просто эклектичный набор актов и персонажей, все пронизано одной идеей о нашей России, о том, как мы живем. Идею осуществили в пригороде Парижа — Нантере.

— Вы сами выбрали Париж для постановки чеховского спектакля?

— В Париже проходят русские сезоны. Приглашаются многие российские театральные деятели, актеры, музыканты. Но это еще не все — французские театры тоже ставят русскую драматургию в течение всего театрального сезона. Это январь, март, апрель, май. Прозвучать в Париже — очень дорогой факт в биографии, поскольку Париж — это Мекка искусства и парижского зрителя почти невозможно удивить.

— В чем отличие французских актеров от русских?

— По большому счету различия не чувствуешь, различие в основном языковое. Однако действительно, для того, чтобы понять русскую душу, русский характер, нужно здесь, в России, пожить. И мы с Вертинской не только выступали в роли режиссеров, мы были еще и литературоведами, и историками. То есть нужно было донести до французских актеров нашу литературу, персонажи, образы, наших писателей и многое другое. Даже какие-то этнографические вещи мы с ними изучали. Одним словом, все, что сопутствует понятию «Россия».

— Почему именно произведение Чехова вы выбрали для спектакля о России за границей?

— Дело в том, что Чехов — автор как бы интернациональный, его очень много по всему миру ставят. Чехов — это действительно потрясающий экзамен и для актеров, и для режиссеров. Но мы с Анастасией Вертинской прошли чеховскую школу в России, во многом под руководством Ефремова. Олег Николаевич — яркий приверженец психологической школы переживания. Свою эстетику он организует именно на чеховской драматургии. Немало также дала мне работа с Михалковым над фильмом «Неоконченная пьеса для механического пианино». По моему глубокому убеждению, именно через Чехова можно многое узнать о России и о русском характере.

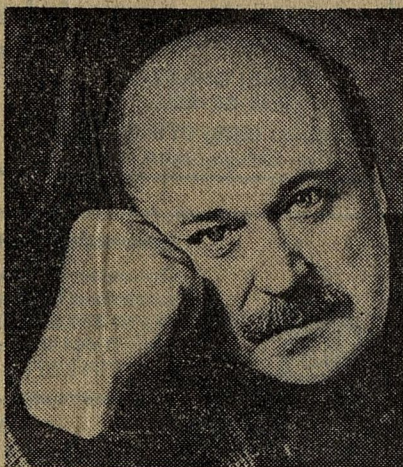
— Как бы вы попытались определить русский характер?

— Над этим вопросом бьются великое множество писателей и философов, и каждый имеет свой объемный взгляд на русский характер. Я же, «внедряясь» в своих любимых писателей — в Гоголя, Чехова, — пришел к выводу, что русский характер имеет весьма определенные свойства: доброту, некую лень, терпение. Причем русское терпение многомерно. Наш человек может терпеть всю

Александр Калягин:

Я ленив. И могу быть злым

Жизнь для Александра Александровича — неоконченная пьеса. В ней есть место тетке Чарлея и Владимиру Ленину, чеховской безнадежности и гоголевскому сарказму. Не случайно театр Калягина называется «Et cetera» — и так далее...

ЗАКУЛИСЬЕ

жизнь — терпеть лишения, отсутствие свободы. Не стану делить эти свойства на положительные и отрицательные. Кроме того, русский характер имеет и непознанные, еще не изученные особенности, которые и придают ему обаяние. Как, например, могут сочетаться в одном человеке доброта с жесткостью, лень с внезапной неудержимой страстью к работе?

— Вы основываетесь на писателях прошлого века. А как на сегодняшний день? Изменился русский характер? Изменился ли он вообще?

— Как мне кажется, одна из черт русского характера заключается в том, что он не может быть серьезно деформирован, изменен каким-либо строем. Будь то царский строй или нынешний, не риску его назвать демократическим. Русский характер очень корневой, немалую роль в этом играет наше огромное географическое пространство.

Нас сейчас пытаются изменить, приучить к жестокой борьбе за существование. А это совершенно русской душе не свойственно, как мне кажется. Я имею в виду не обычное добывание средств к существованию, а борьбу за существование в глубинном смысле этого понятия — именно борьбу... Ведь если говорить упрощенно, то ни землетрясения, ни наводнения, ни цунами нам не грозят. Земля достаточно плодородна, это вам не Сахара. «Будет день — будет и пища», «Здесь не обломилось — там обломится», «переждем». Отсюда вытекает и понятие терпения.

Над русской жизнью, русским характером можно проанализировать, можно смеяться, можно восхищаться, но исправить что-либо бесполезно. Видимо, это и прельщает в Чехове многих режиссеров: как поставить Чехова, как его показать во времени? Ведь все критики отмечают, что Время (именно с большой буквы) в чеховских произведениях ускользает, словно вода меж пальцев. И невозможно уловить ни время, ни русский характер. Он каждый день разный, то с плюсом, то с минусом.

— А как бы вы оценили свой собственный характер?

— Я актер, это языковая профессия, которая вместе с русским языком подразумевает и русское мышление. Поэ-

тому мне свойственны все те же беды, те же счастья и несчастья. Я и ленив, могу быть и добрым, могу быть и злым. Моя профессия постоянно напоминает мне, что я русский человек, что Россия — это и я в том числе. Это для меня факт, я сжил с ним, как сжил и с фактом нынешнего существования России. Это не трагедия, не комедия — это факт.

— Вы от всех мирских катаклизмов целиком ушли в искусство?

— Нет, почему же. Я вижу, что происходит, и глухая боль с каждым днем все больше мучает меня. Я никогда не думал, что будет такая власть, погрязшая во вранье. Власть, которая в силу своей безнравственности просто не может называться демократической властью. Она постоянно натягивает покрывало демократии на свое вранье.

— Как в этом смысле изменился театр, в частности, публика? Легче или труднее выходить сейчас на сцену?

— Публика посерьезнела. Она может смеяться на комедии, но жизнь заставила публику быть серьезней вообще, и люди приносят эту внутреннюю серьезность в зал. Это происходит уже на неосознанном уровне, у каждого зрителя внутри прочно сидит какое-то серьезное ядрышко. Когда человека ведут через темный тоннель, он волей-неволей внутренне соберется.

— Как складываются ваши отношения с кинематографом? Вас сейчас редко можно увидеть на экране, разве что в давно снятых фильмах.

— Я сейчас работаю над кинокомедией «Прохиндиана-94». Это логическое продолжение фильма десятилетней давности «Прохиндиана, или Бег на месте». Не раскрывая содержания, можно сказать, что в новой ленте зрители увидят моего героя постаревшим на десять лет и пытающимся жить в изменившемся за эти десять лет нашем мире.

— Что вы можете сказать о положении театрального искусства в России? Что стало пройденным этапом, а что еще впереди?

— Начиная с перестройки, наш театр пережил несколько периодов. Сперва мы впали в эйфорию. Велико было стремление обнажить себя, показать нашу историю. Вплоть до того, что самим становилось

точно. Среди грязи и шаржей по всем поводам оказались совершенно забытыми существовавшие все-таки светлые стороны нашей жизни.

Затем наступила «эра клубнички», как я ее называю. Вот тебе «голенькие» в Островском, вот — в Чехове. Главным критерием стало голое тело. Его вставляли в спектакль по поводу и без повода. Но сколько можно было удивлять своими телами, на которых, как на географических картах, просматривается, что человек ест, как он живет, в какой он физической форме? Прошли и этот этап. Перешли на комедии. Появился новый призыв: «Давайте людей отвлекать». Людям, мол, и на работе, и дома тяжело, так пусть хоть у нас отдохнут. Может быть, это и верно. Ты вот придишь, сядешь, и тебя не обворуют, не убьют. К тому же и грязи нет. Это правда.

Тем не менее театр сейчас находится в некоем дрейфе. Нет ориентиров, не ясно, что ставить в первую очередь. Раньше было необходимо поставить определенную вещь, в каждом писателе мы видели потенциального союзника, который с помощью подтекста поможет нам сказать правду. Мы тогда противопоставляли себя власти. Еще Гоголь говорил, что русский театр — это кафедра, где ты услышишь и увидишь то, что в жизни не услышал бы и не увидел.

А сейчас, взойдя на эту кафедру, правду можно кричать в зал, но все равно не услышат. Не достучишься ни до сердца, ни до глаза.

Что такое зритель — это народ. Зрителем он становится тогда, когда приходит в зрительный зал. И этот народ знает, что сейчас сказанная со сцены правда уже не поможет. Раньше деятелей культуры сокращали, сажали, но реагировали. Нынешнее же отсутствие реакции на твое творчество просто убивает. Власть сейчас равнодушна к художникам, несмотря на внешнее заигрывание. Уж лучше бы ненавидела...

В настоящее время и в большей степени нахожусь в подавленном состоянии. Я не потерян, но внутренне опашен этой властью, которая не позволяет мне надеяться, что я нужен своей стране. Поэтому я много работаю, ищу свое место в этой жизни и в этой стране.

— Что же в таком случае ждет театр впереди? Как будем дальше жить, Александр Александрович?

— Как мне кажется, сейчас наметился парадокс в театральной жизни. С одной стороны, театрам очень тяжело, трудно распространяться билеты, все труднее найти контакт со зрителем. С другой стороны — как грибы растут новые и новые театры и театральные студии. Я, например, сейчас руковожу московским театром «Et cetera», что в переводе с латыни обозначает «и так далее, и тому подобное». Мы еще не имеем постоянного помещения, но уже поставили два спектакля: «Дядя Ваня» и «Руководство для желающих жениться», по рассказам Чехова.

Подобным же образом обстоит дело и с российским кинематографом. Денег нет, кинопроект разрушен, но работают режиссеры и актеры, идут съемки, появляются новые имена, «звезды», проходят фестивали, и кинозритель действительно ждет новых отечественных фильмов.

Многие мои коллеги, равно как и я, мы будем продолжать работать, несмотря ни на что, потому что мы так воспитаны и другой профессии у нас нет. Мы не можем «покончить жизнь самоубийством». Как это у Чехова — «Надо жить».

Беседу вел Андрей РОДКИН.
Фото Сергея КУЗНЕЦОВА.